

Китс Джон, (1795-1821)

Бёрнс Роберт (1759- 1796 гг.)

Джозеф Редьярд Киплинг

30.12.1865 - 18.01.1936

избранные стихи

перевод Николая Самойлова

12+

ДЖОН КИТС
Избранные стихи

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Китс Д.

Избранные стихи / Д. Китс — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1454-8

Мой перевод стихов трёх английских поэтов. Их стихи должен читать каждый. На сегодня это самые современные переводы. Надеюсь почитатели, фанаты этих поэтов будут довольны. Они смогут сравнить мой перевод с английским оригиналом и подстрочником. Успехов вам!

ISBN 978-5-5321-1454-8

© Китс Д., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

избранные стихи

Бёрнс Роберт

(1759– 1796 гг.)

Шотландский поэт. Родился в деревне Аллоуэй, близ города Эр в Шотландии, в бедной крестьянской семье. Писать стихи начал с 15 лет. Поэтическое творчество совмещал с работой на ферме, затем с должностью акцизного чиновника (с 1789 г.). Сатирические поэмы «Два пастуха» и «Молитва святоши Вилли» распространялись в рукописи и укрепили за Бёрнсом репутацию вольнодумца. Первая книга «Стихотворения, написанные преимущественно на шотландском диалекте» сразу принесла поэту широкую известность.

Бёрнс подготовил к печати шотландские песни для эдинбургского издания «Шотландский музыкальный музей» и «Избранное собрание оригинальных шотландских мелодий».

На основе фольклора и старой шотландской литературы он создавал самобытную и современную по духу и содержанию поэзию.

Творчество Бёрнса («Честная бедность» и др.) утверждает личное достоинство человека, которое поэт ставит выше титулов и богатства. Стихи во славу труда, творчества, веселья, свободы, бескорыстной и самоотверженной любви и дружбы соседствуют в его поэзии с сатирой, юмор, нежность и задушевность – с иронией и сарказмом. Стихи Бёрнса переведены на многие языки мира. Бёрнс скончался 21 июля 1796 года в Дамфрисе. Ему было всего 37 лет.

Баллада Роберта Бернса “Джон Ячменное Зерно” – жемчужина мировой поэзии.

На протяжении двухсот лет существования оригинала он несколько раз переводился на русский язык. Ниже мой вариант перевода.

"John Barleycorn"

There was three kings unto the east, Three kings both great and high, And they hae sworn a solemn oath John Barleycorn should die.

They took a plough and plough'd him down, Put clods upon his head,

And they hae sworn a solemn oath John Barleycorn was dead.

But the cheerful Spring came kindly on, And show'rs began to fall;

John Barleycorn got up again, And sore surpris'd them all.

The sultry suns of Summer came, And he grew thick and strong;

His head weel arm'd wi' pointed spears, That no one should him wrong.

The sober Autumn enter'd mild, When he grew wan and pale;
His bending joints and drooping head Show'd he began to fail.

His colour sicken'd more and more He faded into age;
And then his enemies began To show their deadly rage.

They've taen a weapon, long and sharp, And cut him by the knee;
Then tied him fast upon a cart, Like a rogue for forgerie.

They laid him down upon his back, And cudgell'd him full sore;
They hung him up before the storm, And turn'd him o'er and o'er.

They filled up a darksome pit With water to the brim;
They heaved in John Barleycorn, There let him sink or swim.

They laid him out upon the floor, To work him further woe;
And still, as signs of life appear'd, They toss'd him to and fro.

They wasted, o'er a scorching flame, The marrow of his bones;
But a miller us'd him worst of all, For he crush'd him between two stones.

And they hae taen his very heart's blood, And drank it round and round;
And still the more and more they drank, Their joy did more abound.

John Barleycorn was a hero bold, Of noble enterprise;
For if you do but taste his blood, 'Twill make your courage rise.

'Twill make a man forget his woe; 'Twill heighten all his joy;
'Twill make the widow's heart to sing, Tho' the tear were in her eye.

Then let us toast John Barleycorn, Each man a glass in hand;
And may his great posterity Ne'er fail in old Scotland!

Подстрочник баллады.

Жили на востоке три короля,
Три короля великих и высоких,
И они поклялись торжественной клятвой,
Что Джон Ячменное Зерно должен умереть.

Они взяли плуг и вскопали им землю.
Засыпали комьями голову Джона
И поклялись торжественной клятвой,
Что Джон Ячменное Зерно должен умереть.

Но пришла добрая веселая Весна,
И начала убывать вода;
Джон Ячменное Зерно снова воспрял,
И это было им очень удивительно.

Пришли знойные солнечные дни,
И он рос крепким и сильным,
Голова его вооружалась остроконечными копьями,
И не было никого, кто посмел бы его обидеть.

А когда мягко ступила трезвая осень,
Он поднялся изнуренный и бледный;
Его изогнутые сочленения и поникшая голова

Показывали, что он начал слабеть.

Румянец его увядал все больше и больше;

Он старел;

И тогда его недруги снова Впали в ярость.

Джон подкошен

Они взяли оружие длинное и острое и полоснули Джона по колену;

Затем они быстро положили его на повозку

Подобно злодею, совершившему подлог.

Они опрокинули его на спину

И колотили дубиной:

Они подвесили его на ветру

И крутили и крутили.

Они наполнили темную яму

Водою до краев,

Они погрузили в нее Джона Ячменное Зерно:

Тони или выплывай.

Они швырнули его на землю,

Чтобы причинить ему дальнейшие страдания;

И до тех пор, пока он проявлял признаки жизни,

Они бросали его взад и вперед.

Они высушили над обжигающим огнем

Его костный мозг,

А мельник обошелся с ним хуже всех.

Он раздавил его между двух камней.

И они взяли кровь его сердца

И пили ее по кругу;

И чем больше и больше они пили,

Тем большая радость охватывала их.

Джон Ячменное Зерно был смелым героем

Благородного предприятия.

Если вы сделаете все так, как сказано,
вы отведаете его кровь.

Это придаст вам храбрости.

Это заставит человека забыть горе;

Это вызовет в нем прилив радости:

От этого запоет сердце вдовы,

Хотя слезы были на ее глазах.

Так давайте выпьем за Джона Ячменное Зерно,

Каждый человек – кружку в руку;

И пусть великое потомство Джона

Никогда не потерпит неудачу в старой Шотландии.

перевод

Торжественно, у трёх икон

Клялись быть заодно

Три короля, пока жив Джон
Ячменное Зерно.
Взяв плуг, над свежей бороздой,
Клялись забыть про сон,
Пока укрытый с головой
В земле не сгинет Джон.
В венке лучей пришла весна
И смыла снег с полей,
Встал Джон, очнувшись после сна,
Смущая королей.
Под солнцем креп и с головой
Так копьями зарос,
Что враг обходит стороной,
Боишься сунуть нос.
Осенний день вступил в права,
Стал жёлт усатый Джон;
К земле склонилась голова,
Ветрами сторблен он.
Румянец щёк бледнее стал,
Нет в теле прежних сил;
Враги ликуют: – Час настал,
Кровь высосем из жил.
Лютя, острою косою
Лишили Джона ног,
Потом, связав в снопы, гурьбой

Свезли его в острог.
С восходом солнца, бросив в тень,
Дубасили цепом;
Едва живого целый день,
Терзали сквозняком.
Канаву тёмною водой,
Залив по самый край,
Кунали Джона с головой:
– Тони, иль выплывай.
Лишь выплыл, взяли в оборот,
Чтоб вновь и вновь страдал.
Когда бросали взад – вперёд,
Бедняга чуть дышал.
Потом, чтоб закрепить успех,
Сжигали до костей,
Но мельник был страшнее всех -
Растёр между камней.
Враги, испив из сердца кровь,
Жить стали веселей;
Чем больше пили, тем любовь
В груди цвела сильнеей.
Джон был герой, героев кровь
Содержит благодать.
Кто пьёт её, тот вновь и вновь

Таким же можешь стать.
Она начнёт бодрить и греть,
Даст радости прилив;
Заставит вдовье сердце петь,
Глаза слезой омыв.
Пей за Ячменное Зерно,
Пусть множится, растёт;
В Шотландии найдёт оно
И славу, и почёт!

Вариант 2

Торжественно, у трёх икон
Клялись быть заодно
Три короля, пока жив Джон
Ячменное Зерно.
Взяв плуг, над свежей бороздой,
Клялись забыть про сон,
Пока, укрытый с головой,
В земле не сгинет Джон!
Пришла весёлая весна,
Ушла вода с полей,
Воспрянул Джон, как после сна,
Став выше и сильней.
Под солнцем креп, и с головой
Так копыями зарос,

Что враг обходит стороной,
Боится сунуть нос.
Когда сентябрь вступил в права
Стал жёлт усатый Джон,
К земле склонилась голова,
Ветрами сгорблен он.
Румянец щёк бледнее стал,
Нет в теле прежних сил;
Враги ликуют: – Час настал,
Кровь высосем из жил.
Лютуя, острою косой,
Лишили Джона ног,
Потом, связав его гурьбой,
Свезли, как тать, в острог.
С восходом солнца, бросив в тень,
Дубасили цепом:
Едва живого, целый день,
Терзали сквозняком.
Канаву тёмною водой,
Залив по самый край,
Кунали Джона с головой:
Тони, иль выплывай.
Лишь выплыл, взяли в оборот:
И вновь, и вновь страдал;
Когда бросали взад – вперёд,

Бедняга чуть дышал.
Потом, подняв его на смех,
Сжигали до костей,
Но мельник был страшнее всех -
Растёр между камней.
Враги, испив из сердца кровь,
Жить стали веселей;
Чем больше пили, тем любовь
В груди цвела сильнеей.
Джон был герой, героев кровь
Содержит благодать,
Её, отведав вновь и вновь,
Таким же можешь стать.
Она начнёт бодрить и греть,
Даст радости прилив;
Заставит вдове сердце петь,
Глаза слезой омыв.
Пей за Ячменное Зерно,
Пусть множится, растёт;
Всегда в Шотландии оно
Найдёт себе почёт!

" Standard English Translation

Small, sleek, cowering, timorous beast, O, what a panic is in your breast!

You need not start away so hasty With hurrying scamper!

I would be loath to run and chase you, With murdering plough-staff.

I'm truly sorry man's dominion Has broken Nature's social union, And justifies that ill opinion Which makes thee startle

At me, thy poor, earth born companion And fellow mortal!

I doubt not, sometimes, but you may steal; What then? Poor beast, you must live!

An odd ear in twenty-four sheaves Is a small request;

I will get a blessing with what is left, And never miss it.

Your small house, too, in ruin!

It's feeble walls the winds are scattering! And nothing now, to build a new one, Of coarse grass green!

And bleak December's winds coming, Both bitter and keen!

You saw the fields laid bare and wasted, And weary winter coming fast,

And cozy here, beneath the blast, You thought to dwell,

Till crash! the cruel plough past Out through your cell.

That small bit heap of leaves and stubble, Has cost you many a weary nibble!

Now you are turned out, for all your trouble, Without house or holding,

To endure the winter's sleety dribble, And hoar-frost cold.

But Mouse, you are not alone, In proving foresight may be vain:

The best laid schemes of mice and men Go often askew,

And leaves us nothing but grief and pain, For promised joy!

Still you are blest, compared with me! The present only touches you:

But oh! I backward cast my eye, On prospects dreary!

And forward, though I cannot see, I guess and fear

Посвящение Мыши при переворачивании её плугом в гнезде

Проворный, маленький зверёк,

Ты диким страхом сжат в комок!

Не нужно так спешить, дружок,

Стремглав бежать прыжком!

Не брошусь вслед, не так жесток,

Чтоб бить тебя скребком.

Мне жаль, что, множась, род людской

Природе не даёт покоя.

Не зря от страха сам не свой

Ты бросился в бега,

Меня, хоть я совсем не злой,

Считая за врага.

Не сомневаюсь, что крадёшь:

Как быть? Иначе пропадёшь!

Из колоска лишь часть берёшь,

На зиму про запас;

Оставшаяся в поле рожь

Мне будет в самый раз.

Твой тёплый дом пошёл на слом,

Остатки стен лежат кругом!

Нет мха построить новый дом,
О, как груба трава!
За стылым ветром и дождём
Зима войдёт в права.

Повсюду только голый луг,
Он ждёт гнетущих, зимних выюг.
В уюте проводить досуг
Мечтал ты под землёй,
Но лемехом жестокий плуг
Разрушил домик твой.

Лежит горсть листьев и стерни,
Тебе с трудом дались они,
Но сколько стужу ни кляни,
Коль дома нет – беда.
В мороз и снег – суровы дни,
Жестоки холода!

Но ты не одинока,мышь,
Гаданьем бед не избежишь;
Надеемся на гладь и тишь,
Но счастье не для всех.
Оставшись без всего, грустишь
Ты там, где ждал успех!
Нельзя меня сравнить с тобой,

Живёшь ты нынешней бедой,
А у меня и за спиной
Развалины и прах,
Грядущее закрыто мглой,
Но сердце гложет страх!

O, my love is like a red, red rose,
That's newly sprung in June.
O, my love is like a melody,
That's sweetly played in tune.

As fear art thou, my bonny lass,
So deep in love am I,
And I will love thee still, my dear,
Till all the seas go dry.

Till all the seas go dry, my dear,
And the rocks melt with the sun!
And I will love thee still, my dear,
While the sands of life shall run.

And fare thee well, my only love,
And fare thee well a while!
And I will come again, my love,
Through it were ten thousand mile!

Красная, красная роза

Моя любовь, как роза –

Июньская, прекрасная ;

Как сладкая мелодия,

Волнующая, страстная.

Сильней моей любви к тебе

Не будет никогда;

Она жива пока в морях

Не высохнет вода.

Пока не высохнут моря,

Любви продлится срок;

Люблю тебя, пока в морях

На дне лежит песок.

Я должен отправляться в путь,

Прости и не грусти;

Вернусь, хоть десять тысяч миль

Придётся мне пройти.

(первый вариант)

Любовь, как роза красная,

Что расцвела в саду;

Как сладкая мелодия,

Что гонит прочь беду.

Прекрасней моей девушки

Не будет никогда:

Люблю её пока в морях

Не высохнет вода.

Не смогут высохнуть моря,

Из скал не брызнет сок:

Люблю тебя, пусть жизнь моя

Струится, как песок.

Я должен отправляться в путь,

Спешу, за всё прости!

Вернусь, к тебе, хоть целый мир

Придётся обойти.

В горах моё сердце

My heart's in the Highlands, my heart is not here;

My heart's in the Highlands, a-chasing the deer;

A-chasing the wild deer, and following the roe,

My heart's in the Highlands wherever I go.

Farewell to the Highlands, farewell to the North,

The birth-place of valour, the country of worth;

Wherever I wander, wherever I rove,

The hills of the Highlands for ever I love.

Farewell to the mountains high cover'd with snow;
Farewell to the straths and green valleys below;
Farewell to the forests and wild-hanging woods;
Farewell to the torrents and loud-pouring floods:

My heart's in the Highlands, my heart is not here;
My heart's in the Highlands, a-chasing the deer;
A-chasing the wild deer, and following the roe,
My heart's in the Highlands wherever I go.

Не здесь моё сердце, осталось в горах,
Гоняет оленей, не ведая страх;
Бежит за косулей по следу в снегах,
Куда б я ни шёл, моё сердце в горах.

Прощайте вершины и Север прощай,
Ты – родина Славы, Достоинства край;
Где б я ни скитался, где б я ни бродил
Везде и всегда только горы любил.

Прощайте вершины в коронах снегов,
Прощайте долины и склоны лугов;
Прощайте леса, диких трав аромат,
Прощайте ручьи и седой водопад.

Не здесь моё сердце, осталось в горах,
Гоняет оленей, не ведая страх;

Бежит за косулей по следу в снегах,
Куда б я ни шёл, моё сердце в горах.

Китс Джон

(1795-1821) английский поэт-романтик

Родился в Лондоне в семье содержателя конюшни. Изучал медицину, но потом оставил её и занялся поэзией. В 1817 Китс издал первую книжку лирических стихов, а в следующем году – большую поэму «Эндимион». Недоброжелательные отзывы критики привели к депрессии. Нравственные волнения ускорили развитие чахотки – наследственной болезни в семье поэта. В 1818 его отправили в Южный Уэльс, где он немного окреп. В 1819 Ките влюбился в Фанни Браун. Она отказывалась выйти за него замуж, пока он не составит себе положения в обществе. Очень стеснённые обстоятельства сделали жизнь Китса крайне тяжёлой. Болезнь возобновилась. Китс медленно угасал. Поэт осознавал это и отражал в своих одах и стихотворениях настроение умирающей молодости и таинственную торжественность перехода в мир иной. В 1820 отплыл в Италию, поправить здоровье, болезнь оказалась сильнее. Скончался в Риме в 1821 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.